

УДК 008.2+ 177

О. Н. Гуров

Люди, роботы и Чужие: кто паразит в новой парадигме

Аннотация:

Вызовы, стоящие перед миром, требуют новой цивилизационной парадигмы. Благодаря технологическому совершенствованию ключевые категории культуры и общественной жизни преодолели естественные границы, а в их число стремятся войти новые ценности, порожденные технологическими достижениями. В статье анализируются идеи мыслителей, подкрепленные примерами из произведений кинофантастики о различных сценариях развития человечества с учетом его неоднозначной природы через призму концепции мета-паразитизма.

Ключевые слова: Мета-паразит, доверие, COVID-19, коронавирус, Ридли Скотт, Дэвид Кроненберг, техногенная цивилизация

Об авторе: Гуров Олег Николаевич, MBA, ИФ РАН, Государственный институт искусствознания, преподаватель ИОМ РАНХиГС; эл. почта gurov-on@ranepa.ru

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что стоящая сегодня перед миром многосторонняя система разнородных вызовов в политической и экологической, гуманитарной и технологической сферах, требует формирования новой цивилизационной парадигмы, в рамках которой человеческие ценности не будут утрачены в результате сложных решений и болезненных компромиссов. Очевидная задача не представляется простой для решения в условиях, когда разнородные элементы общественной жизни, ранее не взаимодействовавшие и не пересекавшиеся, сегодня слились в единый бурный поток, который стремится куда-то вперед как гоголевская «птица-тройка», однако уже непонятно, кто или что вдохновляет это сверхскоростное движение. Безусловно, ключевые категории культуры и общественной жизни преодолевают естественные границы именно благодаря технологическому совершенствованию. Сегодня в число основных гуманитарных категорий стремятся войти новые ценности, порожденные

проникновением инноваций в культуру. А следствием этого является трансформация культурно-генетического кода всей цивилизации.

Цель – рассмотреть перспективы развития цифровых технологий и их внедрения в общественную жизнь путем анализа идей современных мыслителей и рефлексии данной проблематики в произведениях массовой культуры, в частности, в научно-фантастической литературе, кинофильмах и сериалах.

В задачи исследования входит изучение масштабов взаимного проникновения человеческого и техногенного, а также текущей и перспективной диспозиции человеческого и искусственного через призму концепции мета-паразитизма на означенном выше материале.

В последнее время мы становимся не только свидетелями, но и невольными участниками и даже объектами масштабных процессов в общественной жизни, которые зачастую развиваются в противоположных направлениях. С одной стороны, глобализация зашла настолько далеко, что в политике, экономике и социально-культурной сфере видение – максимально возможного масштаба. ООН, планетарный форум, наделенный не имеющей аналогов легитимностью, «планирует» устойчивое развитие нашего мира по комплексу взаимосвязанных, но совершенно разных целей – от экономического роста и защиты окружающей среды до совершенствования системы образования и борьбы с изменением климата [13].

Время и пространство сжимаются, интенсивность их использования растет. В своем развитии человечество поднялось настолько, что в результате достижений в освоении космоса актуальной сферой политического и культурного взаимодействия уже стали вопросы освоения Луны и Марса. Растет цена риска – теперь это космические войны, и это не фантастика, не преувеличение, а конкретная космическая политика, цель которой – обеспечение безопасности и стратегических интересов отдельных стран [1, с. 680]. Казалось бы, человечество не может мечтать о более высоком пьедестале!

С другой стороны, технологические достижения уже сегодня позволяют исследовать и влиять на общество и каждого субъекта буквально на микроскопическом уровне: по сути, острота зрения и уровень коммуникации, качество диалога и возможности воздействия достигли масштаба отдельной клетки и даже ДНК. Итальянский философ А. Негри характеризует современность с точки зрения развития «биотехнических» возможностей: существующий в природе геном или вирус может быть рекомбинирован и подвергнут мутациям в лабораторных условиях. Затем результаты

такого эксперимента могут быть оцифрованы, а в будущем воссозданы, опять превратившись в биологическую материальность, но только уже в модифицированном виде [14]. Представленный пример является свидетельством того, как цифровая и биологическая категории не только становятся равноценными, но и сливаются, перетекают одна в другую. Такие явления оказывают мутагенное действие на сам геном цивилизации, на ее культурно-генетический код, на логику воспроизводства и развития.

Коды отдельных видов – генетические и компьютерные – в буквальном смысле меняют свою категориальную сущность. Из совокупности правил записи определенной информации (то есть, из концептов) они превращаются в продукты торга и купли-продажи, но это лишь промежуточный этап. Сегодня эти категории становятся валютой и оружием. Под этим бременем «опеки над жизнью» человек изменяется по всем параметрам [9, с. 247]. «Постепенно техника начала поглощать живой звук и человеческое тело... Даже время человечество стало отсчитывать не только от даты рождения Христа, а от так называемого «начала эпохи» — с 00:00:00 1 января 1970 года... Человечеством стали командовать машины, а следить за всем — экраны [6, с. 661]. В кинофильме С. Цукамото «Тэцуо — железный человек» с буквальной жесткостью демонстрируется болезненный и жуткий процесс слияния машины и человека, превращения его в полуробота-получеловека, показана самая темная и ужасная сторона доминирования технологий над уязвимой личностью и хрупким человеческим телом. А если говорить не о буквальном отображении, а о метафоре такой дегуманизации жизни, на память приходит строка из стихотворения «Рапорт из осажденного города» Э. Херберта: «...единицей обмена стала крыса...», которую впоследствии использовал Д. Делилло в качестве эпиграфа в романе «Космополис», повествующем об иллюзорности и хрупкости современного мира, в котором технологии в прямом смысле начинают управлять общественной жизнью и определять существование отдельного человека [12].

По сценарию этого романа Д. Кроненберг снял одноименный фильм, в котором показал, как человек в таком мире теряет индивидуальность, человечность, вплоть до того, что многочисленные эротические сцены, представленные в кинокартине, полностью лишены какой-либо интимности, страсти или даже эмоций. Процесс показан как абсолютно механистичный, и эти кадры демонстрируют высшую степень отрешенности и закрепощения персонажей, автоматизации их жизни. Прогрессирующее по ходу сюжета омертвление героя представляет собой главную линию киноленты. Совершенно явная

некрофилия является метафорой, которая отражает подмену естественного – искусственным, живого – мертвым, органического — технологическим.

Стоит отметить, что роман и фильм «Космополис» представляют собой в некотором роде отсылку или как минимум дань уважения экспрессионистскому шедевру – кинофильму «Метрополис» Фрица Ланга, оказавшему большое влияние на последующее развитие не только киноискусства, но и всей массовой культуры. В этом фильме под сомнение ставится безусловно положительный характер науки и технологий: вводится образ лишенной морали машины-человека, утверждается, что наука может обладать темной и фатальной для человечества природой, а, кроме того, поднимаются вопросы влияния технологий на человека с точки зрения социальных и политических отношений. Образы механизации и обездушивания жизни отражаются в фигуре машины-человека и всего человеческого общества: элиты, продавшей душу ради жизни в земном раю, и рабочих, почти утративших человеческий облик от тяжелого и бесперспективного труда. Рабочие в фильме больше напоминают бездушных роботов, механически повторяющих одни и те же движения, и совершенно очевидно, что в этом мире они не человеческий капитал, human talent, а возобновляемый ресурс, регулярное топливо техногенного мира.

Позднее эти явления М. Маклюэн назовет импловивным процессом технологического развития, направленного вовнутрь человеческой природы, которая срастается с технологией. По мнению мыслителя, технология становится продолжением человека [7, с. 24].

Конечно, такая трансформация не может проходить безболезненно. Она сопровождается мягким насилием и принуждением, воздействием дисциплинарного общества, зачастую незаметным, закамуфлированным и опосредованным [10, с.76]. По словам Ж. Бодрийяра, современное общество «... является в одном и том же плане обществом заботы и обществом репрессии, мирным обществом и обществом насилия. Мы видели, что «мирная» повседневность постоянно подпитывается потребленным насилием, насилием, «содержащим намек»: сюда относятся различные факты убийства, революции, атомная или бактериологическая угроза (весь апокалиптический материал средств массовой информации)» [3, с. 237]. В работе «Насилие глобализации» философ уточняет, что насилие глобального подавляет альтернативы негативности и приводит его важную характеристику – ядовитость, говоря о том, что насилие является вирусным и осуществляется «... через заражение, цепную реакцию и постепенно разрушает весь наш иммунитет и способность сопротивляться» [2].

Мы уже неоднократно отмечали, что понятия и культурные категории преодолевают присущие им пространства, и слово «ядовитость» из приведенной выше цитаты служит еще одним органичным подтверждением этой мысли. Этот термин означает и токсичность в биологическом смысле, и является синонимом язвительности в рамках социального взаимодействия, и вирулентность в различных дискурсах. То, что наша реальность может быть охарактеризована как ядовитая, токсичная и болезнетворная, позволяет сомневаться в ее подлинных и долгосрочных основаниях. Текучесть, нестабильность и неопределенность – и говоря словами З. Баумана: «... сегодня мы продолжаем менять мир, ни на что уже не надеясь. «Постсовременность» я определяю как «современность без иллюзий»» [4].

Говоря об ускользнувшей подлинности, нужно вспомнить, что массовая культура осознала такую проблему взаимодействия общества и человека давно. Значимые научно-фантастические произведения на эту тему появились более полувека назад. В частности, в 1960-е С. Лем в цикле «Кибериада» описал математическое моделирование и бесконечные возможности «оцифровки» для создания идеального общества, а в одном из рассказов про Ийона Тихого им же показана бесконечная череда реальностей, в каждой из которых моделируется последующая. Где здесь реальность, и что вообще реально?

В 1964 году американский писатель-фантаст Д. Галуйе опубликовал роман «Симулакрон-3», события которого происходят в компьютерной симуляции, которая используется как инструмент маркетинговых исследований. Этот искусственный мир с точностью воспроизводит реальность, его обитатели обладают сознанием, и им кажется, что они живут полноценной жизнью, в то время как на самом деле все это – эксперимент. Впервые роман экранизировал Р.В. Фасбиндер в 1973 году: в фильме «Мир на проводе» режиссер показывает полноценных личностей, живущих в симуляции. Искусственный мир обладает всеми характеристиками, присущими реальному – персонажи испытывают любовь и злость, нуждаются в заботе и теплоте, проявляют человечность и доверие. В последующие годы на экраны вышло еще несколько фильмов на аналогичную тематику, где исследуются вопросы реальности и симуляции; этическая составляющая науки и технологий; экзистенциальные поиски подлинного существования и смысла жизни в техногенном мире.

Снова сделаем акцент, что такому сомнительному и текучему миру, «проживающему» множество измерений, присущи токсичность и вирулентность: его фундамент и основания размыты, вызовы и угрозы подстерегают со всех сторон и

распространяются как вирусная инфекция. И здесь мы должны задаться вопросом, что первично. Является ли человек лишь промежуточным звеном между животными и неким техногенным пост-человечеством, и поэтому его судьба – пасть жертвой прогресса, или такой мир является отражением истинной природы человека? В знаменитой «Матрице» Л. и Э. Вачовски агент Смит, обличая человечество, говорил о чем-то похожем. В своем монологе он назвал людей динозаврами, чье время уходит. По его словам, будущее – за такими как он, за машинами. Более того, Смит обвиняет человечество в той самой вирулентности, говоря, что, оккупировав участок, люди размножаются, пока не исчерпают все природные ресурсы, после чего начинают захват все новых и новых территорий. Он сравнивает человечество с вирусом и раковой опухолью, с болезнью. В данном контексте вопрос, кто вирус, кто его жертва, да и саму проблему инфицирования и заражения мы должны рассматривать «... как нечто более чем биологическое, как социальное, культурное и политическое» [8, с. 117].

В этих условиях мы предлагаем использовать термин «мета-паразит» как метафору противоречивости основных явлений современной общественной жизни. В еще доковидной реальности мы опубликовали статью «Мета-паразит как феномен современной массовой культуры», где в гуманитарную науку было введено понятие мета-паразит [5, с. 41]. В гуманитарном смысле мета-паразит – распространяющийся в информационном обществе аналогично паразитарным инфекциям страх перед непонятными и враждебными явлениями. Мета-паразит возникает в результате синтеза фобий, страхов и панических реакций перед природными, биологическими и социокультурными вызовами, которые приобрели всеобъемлющий масштаб и начинают жить своей жизнью. В кинематографе это явление визуализировано в первых кадрах фильма «28 дней спустя», где обезьянам, отобранным для научного эксперимента, демонстрируют жестокие медиа-образы. Впоследствии именно от этих животных человечество заражается фатальным вирусом. Эта связь неочевидная, опосредованная, но мы можем четко связать биологическое заражение с медиа-вирусами.

Поясним структуру термина мета-паразит. «МЕТА-» отражает всеобъемлющий характер его распространения и предельный масштаб, а основная часть термина «-ПАРАЗИТ» подразумевает сосуществование в форме антагонизма или, напротив, в симбиотической форме организмов или иных структур различного происхождения – биологических, социальных, информационных или политических. Эта часть термина приближает его к понятию вируса, который также существует в различных ипостасях:

биологической, культурной, информационной и компьютерной. На наших глазах пандемия COVID-19 убедительно продемонстрировала, как сливаются биологические и информационные вирусные пандемии. В физическом мире широко распространяется вирус, опасная инфекция для здоровья и даже жизни человека. Параллельно такой же вирус появляется и расходуется в информационном и культурном пространстве. Распространение заболевания сопровождается не менее масштабной инфодемией – информационной пандемией. Недавно ВОЗ подготовила и опубликовала статью «Управление инфодемией COVID-19», где отмечается, что впервые в мировой истории борьба с медицинской проблемой осуществляется с помощью продвинутых цифровых технологий и социальных медиа. Все это происходит в планетарном масштабе. Однако при всех плюсах (аналитические возможности, моментальный обмен информацией, информирование) цифровые технологии несут ответственность и за распространение инфодемии, негативный эффект которой проявляется в росте напряженности и насилия, в экономических проблемах и негативных проявлениях во всех общественных сферах в том же глобальном масштабе [16].

Говоря о терактах с применением штаммов сибирской язвы в США в начале XXI века, Ю. Такер отмечает, что «... целью таких атак становился скорее распад, чем уничтожение. Новостные сюжеты и всплеск беспокойства в обществе были не менее значительны, чем реальные случаи заражения» [8, с. 14].

Таким образом, считая использование термина «мета-паразит» исключительно в биологическом смысле недостаточным, мы находим новые примеры этого явления в кинематографе, например, в фильме Дж. Ренфро и М. Торссона «Версия 1.0». Сюжет фильма вращается и вокруг вируса в компьютерной программе главного героя-программиста, и вокруг зловещего рукотворного нано-вируса, созданного корпорацией для заражения героев с целью управлять их потребительским поведением (буквально «Мир на проволоке» наоборот). Все эти вирулентные события приводят к эпидемии, в результате которой герои достигают высшей степени одиночества и отрешенности, и в буквальном смысле погибают от вируса. Такие примеры мета-паразитарности показывают, как сегодня тесно связаны коммуникации, технологии и заражение, сливающиеся, размножающиеся и приобретающие новые измерения в рамках вирусной модели.

Представляется, что в основе этих явлений лежит иррациональный страх, понять который можно в контексте истории исследования страха насекомых и паразитов (хотя не

все насекомые являются паразитами, и не все паразиты насекомые). Инсектофобия была одной из тем исследования З. Фрейда и К. Юнга, которые отмечали, что в их практике насекомые нередко становились объектами фобий у пациентов. В частности, Юнг, проводя исследования первичных коллективных воспоминаний («архетипов»), выделил в их числе инсектофобию. Юнг полагал, что по мере развития цивилизации человеческое сознание все больше отделяется от глубоких инстинктивных слоев психики, которые, тем не менее, полностью не исчезают, а остаются в подсознании, проявляясь в кошмарах, иррациональных страхах и фобиях [15].

Возможно, о чем-то подобном писал М. Хайдеггер, описывая ужас (Angst) как неопределенную угрозу, связанную с самим существованием, такой ужас не несет какую-либо четкую вредоносность (в нашем контексте – вирулентность) и не направлен на ту или иную конкретную уязвимость [11, с. 211]. Согласно Юнгу, чтобы успешно противостоять иррациональному и не поддающемуся контролю страху, человек должен научиться слушать, интерпретировать и использовать «инстинктивное знание», говоря словами современных популярных психологов, стремиться к осознанности жизни. Эта тема однозначно входит в актуальную повестку общественной жизни, но стремится ли на деле человечество в этом направлении, или пытается стать Чужим для самого себя, еще глубже спрятать страхи, и передать ответственность в руки технологического развития вместе с индугенцией и правом определять будущее за нас самих?

Актуальность этой темы усиливается и потому, что сегодня под вопросом находятся традиционные ключевые категории культуры, войти в список которых стремятся новые явления, обусловленные технологическими инновациями и их проникновением в наш мир. В этом контексте актуальна тема рефлексии по поводу перспектив не только активно развивающихся, но и широко распространенных в массовой культуре технологий, в частности, искусственного интеллекта, его возможностей и места в общественной жизни и даже в эстетическом пространстве будущего, а также по поводу роли его «носителей», будь то операционные системы, роботы и пр. Совсем недавно на эту тему высказался один из самых знаменитых режиссеров, на протяжении полувека исследующий проблематику роботов, киборгов, искусственного интеллекта и инопланетного разума – Р. Скотт.

В сериале «Воспитанные волками» перед зрителями предстает инопланетный мир, куда отправили для воспитания детей сервисный андроид Отец и андроид женского пола Мать, воспитательница, способная при этом летать и уничтожать врагов звуком голоса –

нечто среднее между ангелом и уже упомянутой машиной-человеком из фильма «Метрополис». Отец и мать запрограммированы вырастить детей на чужой планете, дать начало новой цивилизации, которая станет свободной от страха, насилия, ненависти и религиозного фанатизма. К этому времени земной мир уже практически погиб в результате войны между религиозными фанатиками-митраистами и атеистами. Атеисты отбивают у врагов тех самых андроидов и перепрограммируют их в качестве воспитателей для детей, чтобы построить качественно новую цивилизацию. Обратим внимание, что антроиды изначально были оружием именно митраистов – и это интересный момент, показывающий изменение ролей с точки зрения того, кто принимает и использует технологии – представители религиозных или атеистических направлений мысли.

Главные вопросы, поднятые в сериале: могут ли позволить себе люди оставаться такими же, какими они были прежде? И заложены ли такие неизменные спутники человечества как насилие, разрушение, страх и предрассудки в сами культурные и биологические гены, или это характеристики фенотипа, сформировавшегося под воздействием внешних обстоятельств?

В сериале ставится ребром вопрос, люди или антроиды более человечны и поэтому заслуживают право на жизнь, обладает ли человечество бескомпромиссно паразитарной сущностью и является ли оно главным виновником разрушения собственной цивилизации? Отдельный вопрос, сможет ли человечество построить новый Эдем на новой планете и найдется ли там место искусственному интеллекту, или сами антроиды построят идеальный мир, возможно, некий гибрид, где «классический» человек со своей сложной судьбой и фатальной страстью к эксплуатации и саморазрушению окажется лишним?

Кажется, что Скотт смотрит на человечество с довольно мрачных позиций: фильм «Чужой: Завет», вслед за которым вскоре должна выйти новая картина, где мы найдем ответ на загадку происхождения Чужого, намекает, что Чужие были произведены антроидами, ранее созданными человеком, главной мотивацией которого было утолить собственное тщеславие, желание примерить на себя одежды создателя-демиурга, построить и подчинить кого-то превосходящего интеллектом и физическими характеристиками.

Таким образом, мы видим, что лучшие произведения массовой культуры и современная научная мысль сходятся в том, что ради собственного спасения и благополучного развития человечество должно в первую очередь познать самого себя –

взглянуть в зеркало и увидеть в своем отражении те качества, которые оно обычно относит к образам врагов и оппонентов. И лишь после этого сосредоточиться на предотвращении дальнейшего развития мета-паразитарной конструкции цивилизационного развития, в основе которого лежат самые разрушительные мотиваторы – фобии, страхи и агрессия, отрефлексированные через призму иррациональности. На свежем примере «переживания» катастрофы пандемии вживую и онлайн, очевидно, что развитие сотрудничества, солидарности и осознанности жизненно важно для сохранения лучших сторон человеческого в качестве краеугольного камня культуры и цивилизации. Кинофантастика дает нам пример веры в огромный потенциал человеческого: в фильме Д. Маккензи «Последняя любовь на Земле», эпидемия болезни, от которой у людей одно за другим исчезают чувства, не расчеловечивает, и не отправляет в небытие, а напротив – окрыляет. Когда исчезают все надстройки и соблазны, главные герои, наконец, оказываются способными преодолеть страхи и препятствия, открывшись себе и друг другу, проявить истинную человечность, которой по силам преодолеть любую пандемию и кризис.

Библиографический список:

1. Бирюкова Д. Р. Космическая политика как один из механизмов обеспечения стратегических интересов России / Бирюкова Д. Р., Гахрыманова Н. Г. // Постсоветские исследования. 2018. № 7. С. 679-689.
2. Бодрийяр Ж. Насилие глобализации [Электронный ресурс] // Горький Медиа. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/logos/2003/1/nasilie-globalizaczii.html> (дата обращения: 06.04.2021).
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
4. Всеобщая индивидуальность. Григорий Дашевский о «Текучей современности» Зигмунта Баумана [Электронный ресурс] // АО «Коммерсантъ». Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/849210> (дата обращения: 06.04.2021).
5. Гуров О. Н. «Метапаразит» как феномен современной массовой культуры // Межкультурная коммуникация: Запад–Россия–Восток: Материалы Международной студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 08-10/11 2017 г. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 41-47.

6. Дуков Е. В. К истории аттракциона // Художественная культура. 2020. №4. С. 640-665.
7. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
8. Такер Ю. Три текста о заражении. Пермь : Гиле пресс, 2020. 132 с.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
12. Херберт З. «Стихи» [Электронный ресурс] // Горький Медиа. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/8> (дата обращения: 06.04.2021).
13. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // ООН Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 06.04.2021).
14. Bird In Flight. Кошмар под микроскопом: как вирусы стали новой философией [Электронный ресурс] // Birdinflight.com. Режим доступа: <https://birdinflight.com/ru/vdohnovenie/resursy/20200421-biophilosophy.html> (дата обращения: 06.04.2021).
15. Cambray J. Jung, science, and his legacy // International Journal of Jungian Studies. 2011. №3. Pp. 110-124.
16. Managing the COVID-19 infodemic: Promoting healthy behaviours and mitigating the harm from misinformation and disinformation [Электронный ресурс] // WHO. Режим доступа: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 06.04.2021).

Gurov O.N. Humans, Robots And Aliens: Who Is a Parasite in a New Paradigm

Abstract:

The challenges facing the world require a new civilizational paradigm. Due to technological advances, key categories of culture and social life have overcome natural boundaries, and at the same time, new values generated by technological advances are striving to enter their list. The article analyzes the ideas of philosophers, supported by examples from works of science fiction cinema about various scenarios for the development of mankind, taking into account its ambiguous nature through the prism of the concept of meta-parasitism.

Keywords: Meta-parasite, trust, COVID-19, coronavirus, Ridley Scott, David Cronenberg, technogenic civilization